

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.1.47-58

Иникова С.А.

К вопросу о попытке создания в Москве в 1955 г. старообрядческой митрополии

Работа выполнена по теме НИР № 0177-2018-001

Аннотация. В статье рассматривается один из важных эпизодов истории старообрядчества белокриницкого согласия: попытка создания в СССР в 1955 г. Московской митрополии. В основу работы положены архивные документы Совета по делам религиозных культов при Совмине, материалы, подготовленные к интронизации архиепископа Московского в митрополиты, а также опубликованные документальные материалы. Вопрос о создании Московской митрополии вместо архиепископии поднимался российскими старообрядцами неоднократно начиная с 1861 г. В 1948 г. он был поставлен митрополитом зарубежной белокриницкой старообрядческой церкви (Румыния) Тихоном, но из-за личного неприязненного отношения к нему московских архиепископов Иринарха, а затем Феофилакта и их амбиций, обсуждение и принятие решения сильно затянулось. К началу 1955 г., когда наступила завершающая фаза этого процесса, советское государство, пытавшееся привлечь и использовать религиозные организации в годы Великой Отечественной войны и сразу после её окончания, в значительной мере уже потеряло интерес к сотрудничеству и постепенно отказывалось от прежнего курса. Снятие с должности председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова привело к тому, что Совет по делам культов в такой момент накануне торжеств отказался взять на себя ответственность и санкционировать создание в Москве белокриницкой митрополии. Вся эта ситуация, при кажущейся случайности, вполне закономерна и вписана в исторический контекст отношений государства к религии и религиозным институтам в СССР в тот период.

Ключевые слова: старообрядцы, белокриницкое согласие, Белокриницкая митрополия, Московская архиепископия, Совет по делам религиозных культов

Svetlana A. Inikova

To the Question of the Attempt to Create an Old Believer Metropolis in Moscow in 1955

The work was done in accordance with the theme of SRW, No. 0177-2018-001

Abstract. The article considers one of the important episodes of the history of Old Believers of the Belokrinitskaya Hierarchy: the attempt to create in the USSR in 1955 the Moscow metropolis. The work is based on archival documents of the Council for religious affairs under the Council of Ministers, the correspondence of the Archbishop of Moscow and Metropolitan Belokrinitskiy, materials prepared for the enthronement of the Moscow Archbishop, as well as published documentary materials. The question about creation of the Moscow metropolis instead of the Archbiscopric was raised by Russian old believers repeatedly from 1861. At 1948 this question was brought up to discussion by Metropolitan Tikhon Belokrinitskiy (Romania), but because of personal hostility to him by Moscow Archbishops Irinarkh and then Theophylact and their ambitions discussion and a decision had been delaying. The Soviet state tried to attract and use religious organizations during the Great Patriotic war and immediately after its end, but to 1955 the state have largely lost interest in cooperation and gradually changed its policy. The removal from office of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR G.M. Malenkov at February 1955 coincide with the final phase of creation Moscow metropolis. In such situation the Council for religious Affairs did not dare to take responsibility and to authorize the creation of the belokrinitsa metropolis in Moscow. Despite the seeming randomness this situation was quite natural and was inscribed in the historical context of the relationship of state to religion and religious institutions in the Soviet Union at that period.

Key words: Old Believers, Belokrinitskaya Hierarchy, Belokrinitskiy metropolis, Moscow Archbiscopric, Council for religious Affairs

Иникова Светлана Александровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А; ovis2@yandex.ru

Svetlana A. Inikova – PhD (History), leading researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology RAS; 32A Leninskiy prospect, Moscow, Russia, 119991; ovis2@yandex.ru

Как известно, в 1846 г. в Буковине (Австро-Венгрия) в старообрядческом мужском монастыре в селе Белая Криница появился перешедший в древлеправославную веру бывший боснийский митрополит Амвросий (Паппа-Георгополи). С того времени Белая Криница стала местом пребывания митрополитов старообрядческого белокриницкого согласия и его религиозным центром.

Создание старообрядческой митрополии и восстановление трёхчинной иерархии было осуществлено совместными действиями зарубежных и российских старообрядцев. Сделать это в Российской империи тогда было невозможно по причине самого нетерпимого отношения правительства к любому религиозному разномыслию с господствующей православной церковью. Для российских старообрядцев, приемлющих священство и признавших Амвросия, в 1849 г. был поставлен епископ Симбирский Софроний (Жиров), а в 1853 г. создана Владимирская архиепископия во главе с архиеп. Антонием (Шутовым). В августе 1861 г. на Освящённом соборе в Москве решался вопрос о создании Московской архиепископии – руководящего духовного центра для всех российских старообрядцев белокриницкого согласия, и о поставлении на московскую кафедру архиепископа Владимирского Антония. В связи с тем, что из Белокриницкой митрополии никто не приехал на это мероприятие, Освящённый собор принял решение впредь возводить архиереев на Московский престол независимо от Белокриницкой митрополии, потому что «архиепископ Московский не подчинён митрополиту Белокриницкому, и относится к нему как к старейшему брату о Христе, а не как к начальнику» [Управление, 1905, 33].

Хотя Московская архиепископия была независимой и самостоятельной, в самом факте нахождения митрополии и её главы за рубежом, при том что подавляющее большинство старообрядцев проживало в России, было нечто нелогичное. Российским старообрядцам долгое время приходилось с этим мириться. Поставить вопрос о создании в Москве митрополии стало возможно после принятия высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., который снял ограничения, наложенные государством на древлеправославную Церковь.

В апреле 1906 г. в Москве прошёл Освящённый собор, на котором было решено поставить для России митрополита, «чтобы Российская область честью и правами была равною Белокриницкой митрополии». Предполагалось всесторонне обсудить этот вопрос и, «если не будет препятствия, то желательно иметь согласие на сие митрополита, на основании правила 6-го Сардикийского собора» [Постановления, 1913, 53]. Собор 1907 г. вновь обсудил создание в Москве митрополии и опять оговорил: «если будет письменное согласие на учреждение митрополии в России г-на митрополита Белокриницкого» [Постановления, 1913, 81].

Прошло ещё восемь лет и в 1915 г. российские старообрядцы вновь вернулись к обсуждению этой темы, однако шла Первая мировая война, и старообрядческие иерархи не решились в такое тяжёлое для Отечества время заниматься созданием митрополии [В поисках, 2015, 52–53], но, пожалуй, именно в тот момент было удобнее всего осуществить эту идею, поскольку в Москве находился бежавший из Белой Криницы от наступающей немецкой армии митрополит Макарий (Лобов). Хотя он отказался стать московским митрополитом, но дал своё согласие на создание митрополии.

После двух революций и гражданской войны, как только жизнь вошла в более-менее мирное русло, в мае 1922 г. на Освящённом соборе было решено исполнить постановление 1915 г. Однако на пути к его осуществлению опять возникла преграда: архиеп. Мелетий (Картушин), в гражданскую войну уехавший из Москвы на Дон, занятый тогда белыми, по какой-то причине не возвращался. Собор постановил, что если Мелетий не приедет или его отсутствие обусловлено неуважительными причинами, то создать Московскую митрополию и возвести кого-нибудь другого достойного на престол в качестве митрополита [Постановления, б/г, 10]. Мелетий всё-таки вернулся в конце 1922 г., но вновь ставить вопрос об учреждении в Москве старообрядческой митрополии уже не стали, ожидая более подходящего момента. Время шло, а в государстве, провозгласившем атеизм основой своей идеологии, этот момент так и не наступил. Древлеправославная церковь Христова, как она называлась, в полной мере испытала на себе всю тяжесть антирелигиозной

политики советского государства, и в такой ситуации поднимать вопрос о митрополии было уже невозможно.

А между тем, Белокриницкая митрополия в Румынии неожиданно оказалась в водовороте событий. В июне 1940 г. после ультимативного требования Советского Союза Румыния передала Украинской ССР Бессарабию и Северную Буковину. Белая Криница оказалась на территории СССР. В июле 1940 г. по решению белокриницких иерархов на соборе, проходившем в Славском монастыре в Румынии, митрополия была перенесена в г. Брэилу. Митрополитом Белокриницким на тот момент был Силуян (Кравцов). После его смерти (05.01.1941) 8 мая 1941 г. на митрополичью кафедру был возведён Иннокентий (Усов). После вступления Румынии летом 1941 г. во Вторую мировую войну на стороне Германии её войска перешли границу с СССР и заняли Белую Криницу. Несмотря на желание митр. Иннокентия вернуться в резиденцию митрополитов, румынские власти отказали ему в просьбе [Панкратов, 2002, 555]. Иннокентий меньше года занимал митрополичью кафедру, и после его смерти на Освящённом соборе, проходившем в Хуторе (Писк) под Брэилой, 12 апреля 1942 г. в сан митрополита был возведён еп. Тульчинский Тихон (Качалкин). Официальным местом пребывания митрополита в годы войны оставался г. Брэила, хотя Тихон неоднократно приезжал в Белую Криницу и подолгу жил там в мужском монастыре.

При маршале И. Антонеску за отказ старообрядцев-липован Румынии перейти с юлианского на григорианский календарь 11 января 1943 г. митр. Тихон был заключён в тюрьму, где, по его словам, провёл 46 дней¹. Новый стиль старообрядцы так и не приняли, а дни, проведённые в тюрьме, значительно подняли авторитет владыки.

К концу марта 1944 г. советские войска вплотную приблизились к румынской границе. Ещё до этого, в первой половине марта, митр. Тихон, находившийся на тот момент в Белой Кринице, выехал в Бухарест. Священник В.Ф. Королев, по заданию архиепископа Московского Иринарха (Парфенова) посетивший Белую Криницу в июне 1944 г., т.е. через пару месяцев после её освобождения советскими войсками, писал в своём отчёте о поездке: «В 44 году Тихон на второй неделе Великого поста (6–12 марта н.ст. – С.И.), как говорят, выехал в Бухарест по вызову румынской власти, и на 5-й неделе уже пришли советские войска, так что митрополита Тихона в Белой Кринице не оказалось, в настоящее время, по всей вероятности, остался в Румынии» [«Могилки», 2006, 58]. Действительно ли митр. Тихона вызвали в Бухарест или это был предлог, чтобы уехать, неизвестно, но он покинул не митрополию, потому что её там официально не было, а Белокриницкий монастырь. Однако Белая Криница была настолько значимым местом, что в письмах Тихон часто продолжал называть её по старой памяти митрополией.

На последнем этапе Второй мировой войны Румыния воевала на стороне СССР и стран антигитлеровской коалиции, а после войны на её территории находился ограниченный контингент советских войск и было понятно, по какому пути пойдёт страна. Эти перемены позволили надеяться на восстановление отношений между румынскими и советскими старообрядцами белокриницкого согласия, прерванных бурными событиями первой половины XX в.

Установить контакт первым попытался митр. Тихон. Два его письма (15 сент. 1946 и 12 сент. 1947), адресованные архиеп. Иринарху, где-то затерялись. 15/28 июля 1948 г. Тихон отправил в Москву своё третье письмо. Он ссылаясь на информацию, полученную от священников из Бессарабии, сообщивших ему о намерениях московских старообрядческих иерархов перенести оказавшуюся на территории СССР Белокриницкую митрополию в Москву. Тихон был обеспокоен тем, что ему, «как главе всей старообрядческой Церкви», ничего не сообщили, и предлагал «учредить в Москве Московскую митрополию, а Белокриницкую митрополию оставить в покое». В этом же письме владыка высказал давно вынашиваемую, по его словам, мысль о возможности создания в Москве даже не митрополии, а патриархии [В поисках, 2015, 65]. Своё предложение Тихон обосновал необходимостью «восстановить древность старообрядческих верующих христиан», с одной стороны, и, с другой, желанием закрыть рот врагам Советской республики, которые поносят её, якобы она «не верует во Всевышнего Бога» [В поисках, 2015, 65].

Ещё осенью 1946 г. патриарх Румынской православной церкви Никодим во время визита в Москву высказал мысль, что именно там должен быть центр православия. Видимо, эта идея возникла у него не случайно. Она вполне отвечала политическим планам советского правительства по распространению влияния православной церкви на международной арене, чтобы усилить влияние Москвы на российскую эмиграцию [Шкаровский, 2005, 285, 289]. В годы Великой Отечественной войны была создана особая модель церковно-государственных отношений – так называемый «новый курс», – допускавшая ограниченную поддержку и сотрудничество советского государства с Русской православной церковью и другими церквями и религиозными организациями. В соответствии с ней деятельность религиозных организаций должна была способствовать продвижению внешнеполитических интересов СССР [Болотов, 2011, 238, 286]. Советское государство разными способами поощряло идущую в том же направлении деятельность зарубежных церквей. Позиция митр. Тихона вполне соответствовала политическому моменту.

Архиепископ Иринарх получил это третье письмо, но на него не ответил. Не дождавшись ответа, Тихон послал следующее, четвёртое письмо (24 нояб./7 дек. 1949). Его взволновали известия о том, что церковное убранство и украшения Белокриницкого мужского монастыря (в письме – «митрополии») перевезены в Москву, настоятель монастыря священноинок Ипполит (Мартынов) арестован и неизвестно куда сослан, а церковь превращена в кинематограф [В поисках, 2015, 69]. В этом письме также прозвучала глубокая озабоченность митрополита новыми положениями конституции Румынии 1948 г., касавшимися культов. В соответствии с ними епархия должна включать 750 тыс. человек, а старообрядцев в стране было всего 32,5 тыс. Тихон опасался, что все четыре старообрядческие епархии будут объединены в одну во главе с епископом, а не митрополитом. «А посему желательно было бы мне, – писал далее Тихон, – учредить Московскую митрополию, а не Белокриницкую при нынешней свободе» [В поисках, 2015, 70]. Из письма можно понять, что речь шла не о создании второй митрополии для России, а о создании единой для российских и зарубежных старообрядцев Московской митрополии.

Поскольку письмо Тихона содержало упреки в присвоении белокриницких ценностей, а фраза о ссылке Ипполита могла быть расценена как осуждение политики советской власти, архиеп. Иринарх не мог промолчать и ответил на это письмо, тем более что Ипполит в 1946 г. не только сообщался с архиеп. Иринархом письменно, но и приезжал в Москву и даже жил несколько дней в архиепископии. Ипполит надеялся, что Иринарх поможет ему добиться сохранения монастыря, но поскольку последний находился очень близко от границы, то никакие ходатайства не помогли. Через год–два Ипполит был арестован и сослан на 10 лет по 54 статье УК Украины за антисоветскую деятельность [Наш мужеский Белокриницкий старообрядческий монастырь, 2006а, 82–84; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 52. Л. 98.]. Иринарх, сам побывавший в исправительно-трудовых лагерях в 1930-е годы и знавший, каким образом теперь может быть истолкован сам факт проживания врага народа в архиепископии, написал Тихону резкое письмо, очевидно, рассчитанное на то, что оно будет прочитано в соответствующих органах. Отвергнув обвинения в присвоении белокриницких ценностей, Иринарх, хотя и с оговоркой, высказал мысль о возможной причастности Ипполита к их расхищению. Не ограничившись этим, Иринарх одновременно предъявил обвинения Тихону: «Зачем Вы бросили Белокриницкую митрополию и Богом данную Вам паству? Пастырь добрый душу свою полагает за овец, а Вы – простите за грубость – спасали своё жизненное временное благополучие. Вы в настоящее время не имеете прав именоваться Белокриницким митрополитом. Белая Криница теперь благодаря нашему правительству и наших доблестных воинов стала русской. А Вы, как сами сообщаете, проживаете в Румынской Народной Республике в гор. Браиле, а потому и должны теперь именоваться не Белокриницким, а Браиловским митрополитом» [В поисках, 2015, 73].

Это письмо положило начало формированию негативного образа Тихона – человека, преследующего личные интересы, приспособленца и чуть ли не приспешника диктатора Антонеску, в чём позже митрополита ещё будут упрекать. Что касается титула «белокриницкий», то вся старообрядческая Церковь, признавшая

Амвросия и поставленную им иерархию, получила название «белокриницкой», и было бы крайне странно спустя сто лет изменить титул её главы на «брэиловский». Однако и сам Тихон в сложившейся ситуации не мог определиться со своим титулом и подписывал бумаги то как митрополит белокриницкий, то брэиловский.

По неизвестным причинам митр. Тихон не получил это письмо, поэтому все возложенные на него обвинения остались без ответа. Тихон посчитал бесполезным далее продолжать писать в Россию и переписка прервалась.

Возобновилась она только в июле 1952 г. после письма нового московского архиепископа Флавиана (Слесарева), возведённого в сан 12 марта 1952 г. Флавиан известил Тихона и нескольких старообрядческих зарубежных священников о прошедшей конференции «всех церквей и религиозных направлений, бывших в СССР, в защиту мира» [В поисках, 2015, 74]. В ответном письме от 25 июля 1952 г. Тихон интересовался состоянием старообрядчества в СССР: какие епархии, сколько архиереев [В поисках, 2015, 74–76].

Деятельность православной Церкви в СССР со стороны государства контролировалась Советом РПЦ, а всех прочих церквей и религиозных течений – Советом по делам религиозных культов при Совете министров СССР, созданным в 1944 г. Московская архиепископия была вынуждена докладывать не только о каждом своём шаге, но и предварительно согласовывать свои предполагаемые действия. Все контакты с Советом осуществлял ответственный секретарь архиепископии К.А. Абрикосов².

15 сентября 1952 г. Абрикосов встретился с заведующим отделом Совета по делам религиозных культов Н.В. Кольцовым. Они обсуждали вопрос об ответном письме митр. Тихону в Румынию. Абрикосов заявил, что о числе епархий и приходо-дов они не думают отчитываться перед ним, а пошлют экземпляр старого календаря, в котором, очевидно, были все эти данные, хотя, казалось бы, что стоило сообщить их в письме. Кольцов бросил фразу: «С этим можно согласиться» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 20. Л. 57 об.]. Абрикосов обещал прислать в Совет проект ответного письма Тихону.

В сб. «Во время оно...» опубликовано очередное письмо Тихона к Флавиану без даты. Копия, направленная архиепископией в Совет и хранящаяся в ГАРФ, датирована 12 ноября 1952 г. В этом письме Тихон вновь поднял вопрос о создании митрополии в Москве. Он опять ссылался на конституцию Румынии, по которой из-за малочисленности старообрядцев после его смерти они не смогут поставить нового митрополита. Тихон был готов приехать, чтобы поставить Флавиана в митрополиты и, как он писал, «я бы тогда уж отправился на покой» [В поисках, 2015, 77–78; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 9 (ч. 1). Л. 67 об.].

После установления контактов с той и другой стороны делались неоднократные и безуспешные попытки организовать личную встречу Тихона и Флавиана или их представителей. Эти попытки не находили отклика в Совете по делам религиозных культов. Если бы такая встреча состоялась, то, скорее всего, процесс обсуждения проблемы пошёл бы быстрее и, возможно, дал результат, а так письма шли подолгу, некоторые терялись или их не отправляли. Только почти через полтора года после получения этого письма представители архиепископии поставили в Совете вопрос об учреждении Московской митрополии. К сожалению, никаких оценочных материалов, вышедших из-под пера представителей Совета, не обнаружено, поэтому нет возможности сослаться на его чётко сформулированное официальное мнение. Очевидно, не всё, о чём говорилось в беседах представителей архиепископии и Совета, тщательно записывалось.

Со своей стороны Тихон, как «шеф культа старообрядческого», решил поднять вопрос о переводе митрополии в Москву в Министерстве культов Румынской Народной Республики. Маловероятно, чтобы это была инициатива самого министерства, которое только в 1947 г. утвердило статут о юридических основах старообрядческой церкви, признало её и уравнило в правах с остальными церквями в государстве. Председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский 4 октября 1954 г. в письме заведующему 2-м Европейским отделом МИД СССР Н.В. Славину писал: «Министерство культов Румынии предложило передать высшую церковную власть над всеми церквями мира, объединяющими старообрядцев

белокриницкого согласия, от проживающего в Румынии митрополита Тихона Качалкина архиепископу Московскому и всея Руси Флавиану» [АВПРФ. Ф. 099. 1954 г. Оп. 28. Д. 18. Л. 2].

В силу сравнительной малочисленности старообрядцев, не имевших в зарубежных странах политического веса, создание в Москве старообрядческой митрополии и превращение её в центр мирового старообрядчества вряд ли могло иметь для советского государства столь же важное значение, как превращение РПЦ в «Московский Ватикан» [Шкаровский, 2005, 285]. Да и в отношении государства к религиозным организациям наметились перемены. Исследователи называют различные временные рубежи, за которыми произошло изменение в «новом курсе» советского руководства в отношении РПЦ и, естественно, других религиозных организаций. М.В. Шкаровский считает, что с 1948 г. советское руководство потеряло интерес к использованию даже РПЦ на международной арене, поскольку началось ядерное противостояние и перед странами стояли другие задачи. С.В. Болотов полагает, что в 1948–1949 гг. модель претерпела определённые коррективы, но просуществовала до конца 1950-х гг. [Шкаровский, 2005, 312; Болотов, 2011, 286]. В любом случае, пик самого «дружелюбного» отношения государства к церквям и религиозным организациям был уже пройден, хотя в 1954 г. ситуация ещё не была безнадежной. Объединение всех зарубежных старообрядческих белокриницких епархий под крылом Москвы, конечно же, было привлекательно для Совета по делам религиозных культов, тем более что не требовало каких-то особых усилий и затрат, а с инициативой передачи власти Москве вышел сам митрополит Белокриницкий и руководство Румынии. Минус для советского государства заключался в том, что создание Московской митрополии неизбежно повлекло бы укрепление белокриницкого согласия. И.В. Полянский не высказывался против самой идеи, но и не показывал особой заинтересованности в скорейшем решении вопроса. Ему хотелось ясности и согласованности действий сторон, чтобы потом не случилось каких-то неприятностей для него и его ведомства.

Необходимо сказать и о позиции архиеп. Флавиана, который, казалось, должен был быть самой заинтересованной стороной в этом деле. Осуществление мечты многих поколений российских старообрядцев было очень близко, и Флавиан, конечно же, понимал, что может занять почётное место в истории старообрядческой Церкви, но ему не хотелось учреждать Московскую митрополию при участии митр. Тихона. Независимо от того, перейдут или нет к новосозданной митрополии права Белокриницкой, первая, по мнению Флавиана, неизбежно превратится в главный духовный центр старообрядчества уже потому, что в России проживало самое большое число членов белокриницкого согласия.

6 ноября 1954 г. архиепископия за подписью Флавиана, Королёва и Абрикосова подала в Совет по делам религиозных культов ходатайство о создании в Москве митрополии. Авторы его писали о заветном желании всех старообрядцев ещё с 1860-х гг., о «неправильном положении», когда в Москве – древнем центре старообрядчества – находится архиепископия, а «где-то в Румынии находится эмигрантский старообрядческий митрополит (т.е. саном выше архиепископа)». Авторы подвели под своё прошение политическую базу: создание митрополии «ясно показало бы всем старообрядцам, да и вообще всем верующим в СССР и за границей, полную свободу всех религиозных направлений в СССР и полную настоящую веротерпимость Советской власти» [АРПСЦ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.].

12 ноября 1954 г. представители архиепископии были приглашены в Совет. Судя по дальнейшим событиям, Совет не был против предложенного плана, но ему всё-таки хотелось выяснить возможность соединения всех белокриницких староверов под эгидой Московской митрополии.

18 ноября 1954 г. Московский духовный совет сформулировал «Соображения старообрядческой архиепископии для установления более тесной связи с заграничными старообрядческими приходами». Предполагалось послать в старообрядческие приходы за границей календари, написать письма в связи с очередным праздником, в том числе Тихону Качалкину. В этих письмах архиепископ или архиепископия должны будут поинтересоваться жизнью зарубежных старообрядцев

и количеством прихожан, и только после сбора сведений решать, «целесообразно ли присоединять эти приходы к Московской архиепископии (т.е. брать их под свою юрисдикцию) или же ограничиться только более частой перепиской» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 35. Л. 2]. Московская архиепископия не планировала ставить перед Тихоном вопрос о соединении румынской и русской старообрядческих церквей до тех пор, пока не будет решён вопрос об учреждении в Москве старообрядческой митрополии. На январь 1955 г. было намечено заседание расширенного духовного совета архиепископии и для участия в нём предлагали пригласить митр. Тихона. Эти соображения были представлены К. Абрикосовым Полянскому только 13 декабря 1954 г. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 35. Л. 2 об.]. Видимо, план действий был одобрен, и 25 декабря 1954 г. за подписью Флавиана митр. Тихону было отправлено очень дружественное письмо с поздравлениями по случаю грядущего Рождества. Флавиан выражал желание возобновить переписку и, как было запланировано, интересовался жизнью старообрядческой церкви за рубежом [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 35. Л. 9].

В своём ответном письме от 9 февраля 1955 г. митр. Тихон сообщил о числе старообрядцев в Румынии и действующих архиереех [В поисках, 2015, 81–82]. 20 января 1955 г. Абрикосов вновь посетил Полянского, но запись беседы не сохранилась. Можно предположить, что речь шла о намеченном на 12 февраля (30 янв. ст. ст.) расширенном заседании духовного совета Московской архиепископии, которое должно было принять решение о создании Московской митрополии и тут же провести интронизацию Флавиана.

В архиве Русской православной старообрядческой церкви хранятся материалы, подготовленные для этого заседания. Уже в самом тексте приглашения делегатов говорилось, что необходимо прибыть на заседание «по вопросам исторической важности для старообрядчества», причём для того, чтобы обеспечить кворум, указывалось, что «явка обязательна» [АРПСЦ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. Л. 17]. Была разработана повестка. На 12 февраля было намечено обсуждение и решение одного вопроса – об учреждении в Москве старообрядческой митрополии и избрании митрополита, а на следующий день должна была состояться интронизация, для которой был составлен чин богослужения, написана речь Флавиана [АРПСЦ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 6 об., 9; д. 37. Л. 37, 49–51].

Секретарь архиепископии Г. Мариничева много лет спустя писала в своих воспоминаниях, что Совет по делам религиозных культов дал согласие, Московская архиепископия назначила день торжества, съехались гости и накануне отслужили торжественную всеношную, а утром последовал «звонок сверху», и посвящение в митрополиты было отложено на неопределённое время [Мариничева, 2004, 71]. Надо полагать, что никакого звонка не было, потому что накануне, 11 февраля 1955 г., в день, когда на заседание съезжались его участники, состоялся визит архиеп. Флавиана в Совет и беседа с Полянским, которая была запротоколирована, и этот документ представляет несомненный интерес для понимания позиций обеих сторон и того, что же произошло. Все материалы по истории вопроса об учреждении Московской митрополии были заранее доставлены в Совет, и Полянский с ними ознакомился. Флавиан представил дело как завершение долгого исторического пути, который прошла древлеправославная Церковь, и выразил желание провести в жизнь решения предыдущих соборов об учреждении митрополии [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 115].

Полянский обратил внимание на то, что Московская архиепископия, несмотря на самостоятельность, является частью единой старообрядческой церкви, и во всех постановлениях соборов создание Московской митрополии обусловлено письменным согласием Белокриницкого митрополита. Флавиан, согласившись с ним, выдвинул контрдоводы: «В настоящее время, однако, с. Белая Криница, где была образована русскими старообрядцами митрополия, находится на территории СССР. Но, в силу известных Вам причин, получилось парадоксальное явление: митрополит покинул свою резиденцию, имя которой носит вся церковь, уехал в Румынию, т.е. фактически бросил свою церковь, свою паству; там он получил признание как митрополита у Антонеску, но он ведь по существу ничем не управляет и, если

считаться с фактами, диктуемыми жизнью, он утратил фактическую духовную власть над старообрядческой церковью как единой и неделимой церковью. В настоящее время Москва, а не Браилово – центр всего русского старообрядчества» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 116].

В приведённой цитате звучат те же обвинения, какие в своё время предъявлял митр. Тихону архиеп. Иринарх: бегство, оставление митрополии и паствы. Однако владыка Флавиан прибёг и к особенно политически значимому аргументу – признанию «беглого митрополита» диктатором Антонеску. Подобный аргумент должен был окончательно и бесповоротно вычеркнуть Тихона из этого исторически важного дела. И хотя Полянский, неосведомлённый в деталях, согласился с доводом Флавиана, ему осталось неясным, что имел в виду белокрыницкий митрополит: создание в Москве митрополии, которая будет подчинена ему, Тихону, как главе Церкви, или создание митрополии и передачу ей всей верховной власти над белокрыницкой церковью. Флавиан сослался на информацию, переданную ему Тихоном через побывавшего в Румынии епископа РПЦ Николая Крутицкого³: «<...> митрополит Тихон предлагает образовать в Москве митрополию, передать ей верховную духовную власть над всей белокрыницкой церковью, а самому остаться в Румынии в качестве главы епархии в звании митрополита. Это означало бы фактически перенесение центра старообрядческой церкви белокрыницкого согласия в Москву и признание Московской митрополии единым центром всего старообрядчества» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 117].

Полянский выразил опасения, что если не достичь предварительной договорённости с митрополитом, то действия архиепископии в этом направлении вызовут недовольство Тихона и его приверженцев и могут привести к нежелательным последствиям. Складывается впечатление, что Полянский упорно искал причину, чтобы отложить намеченное на следующий день торжественное действие. Флавиан вынужден был обещать выяснить у митрополита поставленные Советом вопросы и уже после этого продолжить обсуждение, может быть, даже пригласить митр. Тихона в Москву [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 117–118].

О том, что в архиепископии на повестке следующего за этой встречей дня стоит вопрос о создании в Москве митрополии, никто из участников беседы не обмолвился – или об этом просто не стали писать в протоколе, что кажется более вероятным. Видимо, Полянский настоял на том, чтобы отложить на какое-то время создание митрополии. Причина такого неожиданного поворота дела, по нашему мнению, кроется в том, что 9 февраля, т.е. за два дня до беседы, был снят с должности председателя Совета министров СССР Г.М. Маленков, занимавший её с 5 марта 1953 г. (после смерти Сталина) и уже снискавший себе репутацию сторонника некоторой «либерализации» системы. Председатель Совета по делам религиозных культов предполагал, что с уходом Маленкова правительство может резко изменить политику в отношении религиозных объединений и побоялся в такой момент взять на себя ответственность и дать разрешение на создание Московской митрополии.

На следующий день, 12 февраля, открылось расширенное заседание духовного совета архиепископии. Тот факт, что Совет по делам религиозных культов отложил создание Московской митрополии, не вселял оптимизма и был расценён многими «как тактичный отказ». Возможно, какая-то информация была донесена до делегатов самим Флавианом, и некоторые выражали сожаление по поводу снятия Маленкова, при котором, по их мнению, ещё можно было получить разрешение⁴. Совет архиепископии всё же принял решение поставить вопрос не о создании второй митрополии в Москве, а о переносе духовного центра белокрыницкого согласия из Брэилы в Москву и о возведении архиеп. Флавиана «в сан митрополита с передачей ему митрополитом Тихоном Качалкиным духовной власти над всеми старообрядцами белокрыницкого согласия» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 120], и именно в этом направлении вести переговоры с Тихоном.

Между 12 и 28 февраля⁵ в архиепископии был составлен план-проект письма митр. Тихону с целью окончательно выяснить его позицию. Флавиан напомнил Тихону о его письмах к Иринарху от 15/27 июля 1948 г. и к нему от 12 ноября 1952 г., а также о беседе Тихона с митрополитом Николаем Крутицким в 1954 г., и написал:

«Теперь (это почти спустя семь лет! – С.И.) мы вполне приветствуем и поддерживаем Ваше желание, чтобы митрополия из Браилова перенесла бы своё местопребывание в Москву, т.к. именно Москва является духовным центром всего старообрядчества и столицей великого русского народа, и конечно, правильнее, если старообрядческая митрополия будет в Москве. Также мы не возражаем против Вашего желания остаться в Румынии старообрядческим епархиальным архиереем в звании митрополита» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 52. Л. 20].

Флавиан выразил надежду на скорый ответ. Хотя на план-проекте есть пометка, что советское начальство его одобрило [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 52. Л. 20 об.], письмо, очевидно, отправлено не было. 18 марта 1955 г. на встрече с Полянским Абрикосов неожиданно сообщил, что архиеп. Флавиан и член совета архиепископии протоиерей Королев не хотят писать письмо митрополиту по вопросу Московской митрополии: «“Не к лицу нам, – говорят они, – русским людям, получать митрополию из рук беглого митрополита”». Если правительство сочтёт возможным удовлетворить вековую мечту старообрядчества о создании Московской митрополии, будет очень хорошо, если же не разрешат, – мы смиряемся» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 133].

Полянский всё-таки настаивал, что надо выяснить мнение Тихона. Очередная встреча Полянского с Флавианом была намечена на май. Видимо, к ней в архиепископии составили записку «К вопросу о старообрядческой митрополии в СССР (Из истории старообрядческого священства)», автор которой подчёркивал, что московский митрополит «имеет полное право считать себя не только независимым от румынского старообрядческого митрополита Тихона, но даже иметь его как меньшего брата», поскольку Белокриницкая кафедра перешла в СССР, и это даёт основания перенести её в Москву [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 52. Л. 92]. Встреча состоялась 27 апреля.

В этот же день в архиепископии собрался духовный совет, который сформулировал вопросы для обсуждения в Совете по делам культов, и обозначил позицию по ним архиепископии. Опять прозвучали обвинения в адрес «беглого митрополита», который своим бегством сам подвёл себя под каноническое осуждение, поэтому создание Московской митрополии, «хотя бы с согласия заграничного эмигрантского митрополита», «умалит авторитет и значение как русского митрополита, так и духовного центра старообрядчества в СССР» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 52. Л. 85].

Удивляет то, что Флавиан и его окружение за столько лет даже не попытались получить разъяснения от самого владыки Тихона. Судя по письмам 1950-х гг., Тихон не знал и даже не догадывался о своей репутации беглого митрополита и тем более приспешника Антонеску. Он так и не получил от Московской архиепископии ответа на своё предложение, о чём с некоторым недоумением писал родному брату И.Д. Качалкину в Измаил 7/20 марта 1955 г. [АРПСЦ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34].

Флавиан и пришедшие с ним члены духовного совета Королёв, Устинов, Абрикосов заявили Полянскому, что не будут писать никаких писем Тихону и не желают получать митрополию из его рук. Полянский пытался убедить их в необходимости иметь согласие Тихона стать епархиальным начальником в Румынии и подчиниться Московской митрополии, кроме того, по его мнению, надо было уведомить зарубежных старообрядцев, проживавших в Румынии, Канаде, Маньчжурии, чтобы они не сочли действия архиепископии раскольническими. Полянский видел в этом деле не только религиозную, но и политическую составляющую. Его требования были вполне обоснованными: и на расширенном заседании совета архиепископии 12–14 февраля, и в плане-проекте письма Тихону речь шла не о создании помимо Белокриницкой ещё и второй – Московской – митрополии, а о передаче ей функций первой, и сделать это, исключив из процесса митрополита Белокриницкого, было невозможно. Флавиан и Королёв оказались упорны и заявили, что в таком случае «предпочтут остаться по-прежнему – с архиепископией во главе» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37. Л. 87]. После этого обе стороны перешли к обсуждению других вопросов. Во время последующих встреч Полянского с Абрикосовым и Флавианом речь о создании Московской митрополии уже не шла, а если и шла, то, видимо, не под запись.

Казалось бы, точка в этом вопросе поставлена, однако 15–16 мая 1955 г. совещание совета архиепископии среди целого ряда вопросов рассмотрело и вопрос о создании митрополии и постановило: «Считать своевременным и необходимым учредить в Москве старообрядческую митрополию Московскую и всея Руси» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 53. Л. 53]. 17 мая Флавиан написал Тихону о решении архиепископии, которая, как подчёркивалось, ни от кого не зависит и пользуется полной самостоятельностью, «возвести для старообрядческой Церкви СССР митрополита» [В поисках, 2015, 83]. Поскольку в архиепископии существовала практика писать и не отправлять письма, то нет уверенности, что это письмо достигло адресата. Такой вывод напрашивается после чтения письма И.Д. Качалкина к священнику И.Я. Сычову в Одессу от 15 апреля 1957 г. о неосуществлённых планах митрополита: «Владыка Тихон нуждался и ведался письменно с московскими святителями ещё в 1955 году, чтобы Москва вызвала старообрядца-митрополита, он хотел кое-что учредить, поставить митрополита и патриархию. Алексей ему [послал] письмо⁶, что подумаем, и ничего не посылали. Митрополит не получил никаких ответов» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 83. Л. 7].

В этой истории, окончившейся так неудачно, на поверхности лежит субъективный человеческий фактор и стечение обстоятельств: если бы не амбиции московских архиепископов, если бы не снятие Г.М. Маленкова с поста председателя Совета министров за два дня до намеченной даты создания митрополии и не политическая осторожность председателя Совета по делам религиозных культов, то Московская митрополия была создана ещё в 1955 г. Но вся ситуация, при кажущейся случайности, вполне закономерна и вписана в исторический контекст отношений государства к религии и религиозным институтам в СССР в тот период.

В преддверии 1988 г., когда страна Советов в новых политических условиях готовилась торжественно отметить тысячелетие принятия христианства, вновь встал вопрос о создании Московской митрополии. Референт архиепископа Алимпия (Гусева) по общим вопросам Р. Хрусталёв составил «Историческую справку» и вновь, как его предшественник, обосновал документами необходимость и законность её создания. Дойдя в своём обзоре до событий 1955 г., он упомянул о постановлении архиепископии от 12 февраля, но, по его словам, «документов о последующих решениях не сохранилось...» [АРПСЦ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 134. Л. 3]. Многозначительное многоточие принадлежит автору документа.

Митрополия Московская и всея Руси была учреждена 24 июля (н.ст.) 1988 г. Её созданию предшествовала встреча архиепископа Московского Алимпия и митрополита Белокриницкого Тимона, которые были единодушны в этом вопросе. На интронизации присутствовали и старообрядцы-делегаты из Румынии. Старообрядческую церковь белокриницкой иерархии в России стали именовать Русской православной старообрядческой церковью [АРПСЦ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 7. Л. 1].

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 099. 1954 г. Оп. 28. Д. 18.
2. Архив Русской православной старообрядческой церкви (АРПСЦ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 34;
3. Архив Русской православной старообрядческой церкви (АРПСЦ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 37.
4. Архив Русской православной старообрядческой церкви (АРПСЦ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 134.
5. Болотов, С.В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы / С.В. Болотов. – М.: Изд-во Крутицкого подворья Общество любителей церковной истории, 2011. – 315 с.
6. В поисках общего языка // Во время оно... (Приложение к ж. Церковь). – 2015. – № 7. – С. 63–97.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 9 (ч. 1).
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 20.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 35.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 37.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 52.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 53.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 83.

14. Мариничева, Г.А. (Оленева). История Рогожского посёлка – центра старообрядчества (Воспоминания) / Г.А. Мариничева / сост. Б.А. Оленев, А.Л. Оленев. – М.: Би, 2004. – 108 с.
15. «Могилки митрополитов в большом заустении...» Доклад о. Василия Королева о поездке в Белую Криницу и Бессарабию // Во время оно... (Приложение к ж. Церковь). – 2006. – № 3. – С. 53–64.
16. «Наш мужеский Белокрыницкий старообрядческий монастырь закрывают...» // Во время оно... (Приложение к ж. Церковь). – 2006а. – № 3. – С. 82–86.
17. Панкратов, А.В. Белокрыницкая иерархия за рубежом в XX в. / А.В. Панкратов // Православная энциклопедия. – М.:, 2002. – Т. IV. – С. 555–556.
18. Постановления Освящённого собора 28 мая 1922 г. Б/м, б/г. (Копия хранится в АРПСЦ).
19. Постановления Освящённых соборов старообрядческих епископов. 1898–1912. – М.: Би, 1913. – 150 с.
20. Управление старообрядческой церкви // Старообрядческий вестник. – 1905. – № 1. – С. 32–33.
21. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого подворья Общество любителей церковной истории, 2005. – 423 с.

Текст поступил в редакцию 14.07.2018.

¹ О том, что он был в заключении 46 дней, митр. Тихон сам писал в письме к архиеп. Московскому Иринарху. [В поисках, 2015, 67].

² Семья Абрикосова находилась в эмиграции во Франции и, видимо, чтобы доказать свою лояльность советской власти, он иногда сообщал в Совет информацию в большем объёме, чем от него требовалось.

³ В 1954 г. Николай митр. Крутицкий и Коломенский был избран доктором богословия Румынской православной церкви. Видимо, в связи с этим он посетил Румынию и там встретился с митр. Тихоном.

⁴ Г.М. Маленков был председателем Совета министров СССР с 5 марта 1953 г. по 8 февраля 1955 г. Его политика отличалась некоторой либерализацией, поэтому члены Совета архиепископии выражали сожаление по поводу снятия его с должности.

⁵ План-проект, судя по тексту, составлен после встречи Флавиана и Полянского, т.е. после 11 февраля, а Великий пост, с наступлением которого Флавиан поздравлял митр. Тихона, в 1955 г. начался 28 февраля (н.ст).

⁶ Поскольку митр. Тихон хотел учредить старообрядческую патриархию, он пытался узнать мнение на этот счёт патриарха РПЦ Алексия (Симанского).

References

1. *Arkhib vneshney politiki Rossiiskoy Federacii* [Archive of Foreign Policy of Russian Federation]. Fund 099. 1954 g. Inventory 28. File 18 (in Russian).
2. *Arkhib Russkoy pravoslavnoy staroobryadcheskoy cerkvi* [Archive of Russian old believer church]. Fund 5. Inventory 1. File 34 (in Russian).
3. *Arkhib Russkoy pravoslavnoy staroobryadcheskoy cerkvi* [Archive of Russian old believer church]. Fund 5. Inventory 1. File 37 (in Russian).
4. *Arkhib Russkoy pravoslavnoy staroobryadcheskoy cerkvi* [Archive of Russian old believer church]. Fund 9. Inventory 1. File 134 (in Russian).
5. Bolotov S.V. *Russkaya pravoslavnaya czerkov` i mezhdunarodnaya politika SSSR v 1930-e – 1950-e gody* [Russian orthodox church and international politic of USSR at the 1930–1950s years]. Moscow: Krutitskiy Monastery of the Society of Lovers of Church History Publ., 2011, 315 p. (in Russian).
6. *V poiskah obshhego yazyka. Vo vremya ono...* [At that time...]. Moscow, 2015, no 7, pp. 63–97 (in Russian).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federacii* [State Archive of Russian Federation]. Fund P-6991. Inventory 4. File 9 (part 1) (in Russian).
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federacii* [State Archive of Russian Federation]. Fund P-6991. Inventory 4. File 20 (in Russian).
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federacii* [State Archive of Russian Federation]. Fund P-6991. Inventory 4. File 35 (in Russian).
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federacii* [State Archive of Russian Federation]. Fund P-6991. Inventory 4. File 37 (in Russian).
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federacii* [State Archive of Russian Federation]. Fund P-6991. Inventory 4. File 52 (in Russian).
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federacii* [State Archive of Russian Federation]. Fund P-6991. Inventory 4. File 53 (in Russian).

13. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federacii* [State Archive of Russian Federation]. Fund P-6991. Inventory 4. File 83 (in Russian).
14. Marinicheva G.A. (Oleneva). *Istoriya Rogozhskogo poselka – centra starobryadchestva. (Vospominaniya)* [History of Rogozhskii settlement – centre of old believers. (Memorizes)]. Moscow, 2004, 108 p. (in Russian).
15. «Mogilki mitropolitov v bol'shom zapustenii...» *Doklad o. Vasiliya Koroleva o poezdke v Beluyu Kriniczu i Bessarabiyu. Vo vremya ono...* [At that time...]. Moscow, 2006, no. 3, pp. 53–64 (in Russian).
16. «Nash muzheskij Belokriniczkiy starobryadcheskij monasty'r` zakryvayut...» *Vo vremya ono...* [At that time...]. Moscow, 2006, no. 3, pp. 82–86 (in Russian).
17. Pankratov A.V. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. IV. Moscow, 2002, pp. 555–556 (in Russian).
18. *Postanovleniya Osvyaschennogo sobora 28 maya 1922 g.* [Resolutions of the consecrated council at May 28, 1922]. Copy from the Archive of Russian Old Believer Church (in Russian).
19. *Postanovleniya Osvyaschennykh soborov starobryadcheskikh episkopov. 1898–1912* [Resolutions of the consecrated councils of old believers bishops, 1898–1912]. Moscow, 1913, 150 p. (in Russian).
20. *Starobryadcheskij vestnik* [Old believers' Bulletin]. Moscow, 1905, no. 1, pp. 32–33 (in Russian).
21. Shkarovskiy M.V. *Russkaya Pravoslavnaya Czerkov` pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-czerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godax)* [Russian orthodox church at the time of Stalin and Khrushchov (state-church relations in USSR at the 1939–1964)]. Moscow: Krutitskiy Monastery of the Society of Lovers of Church History Publ., 2005, 423 p. (in Russian).